Шартр. Последний вечер в Париже – 5

Город

Но самое интересное в городе, кроме Собора, - это он сам.

Справка. Холм, на котором стоит собор, окружен кольцом бульваров по линии бывших городских укреплений. Застройка бульваров сохранила зримые черты Средневековья - жилые здания, начиная с XII в., остатки средневековых стен с воротами. Крутые переулки и лестницы, известные как "тертр" (tertres) ведут… в нижний город, где названия улиц напоминают о торговле в Шартре в средние века.

Узкие улочки заполняют дома с островерхими крышами, и панораму дополняют острые шпили Собора, парящего над городом. Наверно, в северной Европе подобных городов много, но мы такие силуэты увидели впервые, потому что в Италии ничего подобного нет. И все это создает атмосферу сказок братьев Гримм.

Crêperie
RÉSERVÉ

Большинство домов – фахверковые (не то, что в Париже – раз-два – и обчелся в буквальном смысле):

Обратите внимание, на этой средневековой улице Всадников фонари подвешены на цепях так, как было в старину:

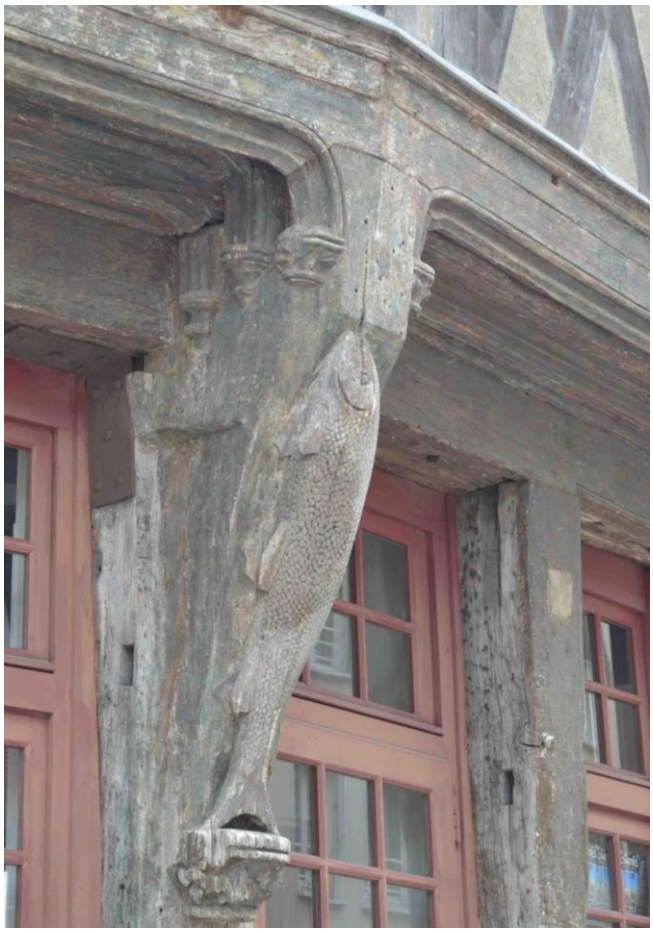
Часто фахверковый главный и мансардный этажи покоятся на каменном основании:

Если дом гладко оштукатурен, о его природе – фахверковой или каменной - говорит какая-нибудь оставленная неоштукатуренной деталь:

RUE
AVEDAM

A
VENDRE

Самым красивым фахверковым домом считается построенный в 1500 г. Дом сомон (Дом лосося) на площади, где с XV в. по 1950 г. торговали рыбой:



Справка. Площадь целиком была застроена зданиями с остроконечными крышами, которые, к сожалению, исчезли в 1870 и 1960 годах. Дом Сомон принадлежал Катерине Мабюссон, богатой негоциантке, занимавшейся импортом и экспортом. Помимо изображения лосося, фасад украшает группа Благовещения и святой Михаил, убивающий дракона. В 1944 году дом был поврежден зажигательными бомбами. Анималистические мотивы на верхнем ярусе были переделаны во время реставрации в духе 15 века. В 1950 году здание вошло в список исторических памятников. Сейчас он превращен в культурный центр, в котором проводится множество различных мероприятий, а его интерьеры переделаны в современном духе, хотя внешний облик здания — целиком средневековый.

Фахверковыми бывают не только дома, но и башни, точнее, цилиндрические пристройки, скрывающие лестницы. Все путеводители упоминают в этой связи знаменитую «лестницу королевы Берты». Мы долго искали в указанном месте лестницу, пока е поняли, что речь идет о лестничной башенке вот этого дома, первого по улице Всадников:

К королеве Берте, жившей, кажется, в X в., он не имеет отношения, т.к. был построен в XVI, но раньше на этом месте стоял дом, где она однажды останавливалась. О лестничной башне другого дома, не менее живописной, путеводители умалчивают:

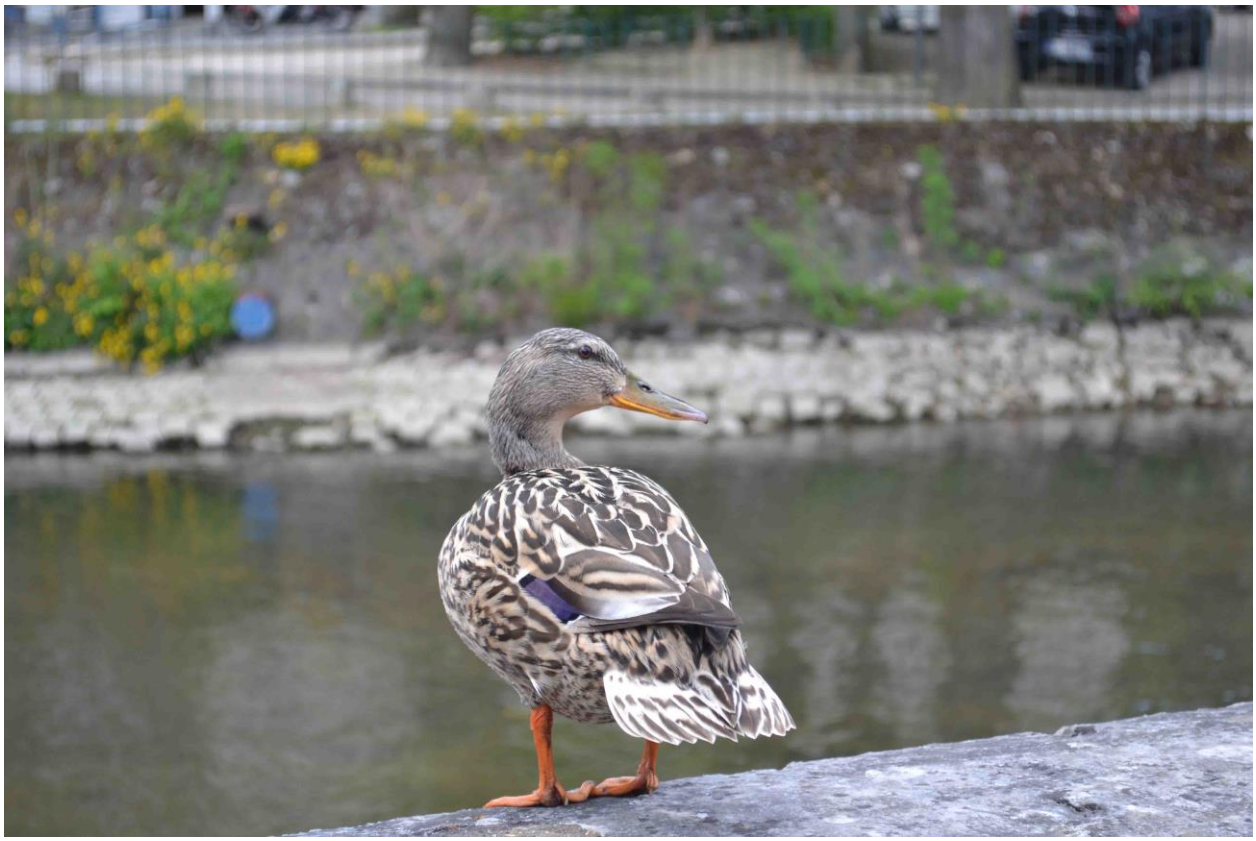
Но самые старые дома, конечно, каменные. Вот этот, например, сохранил интерьеры времен Генриха IV:

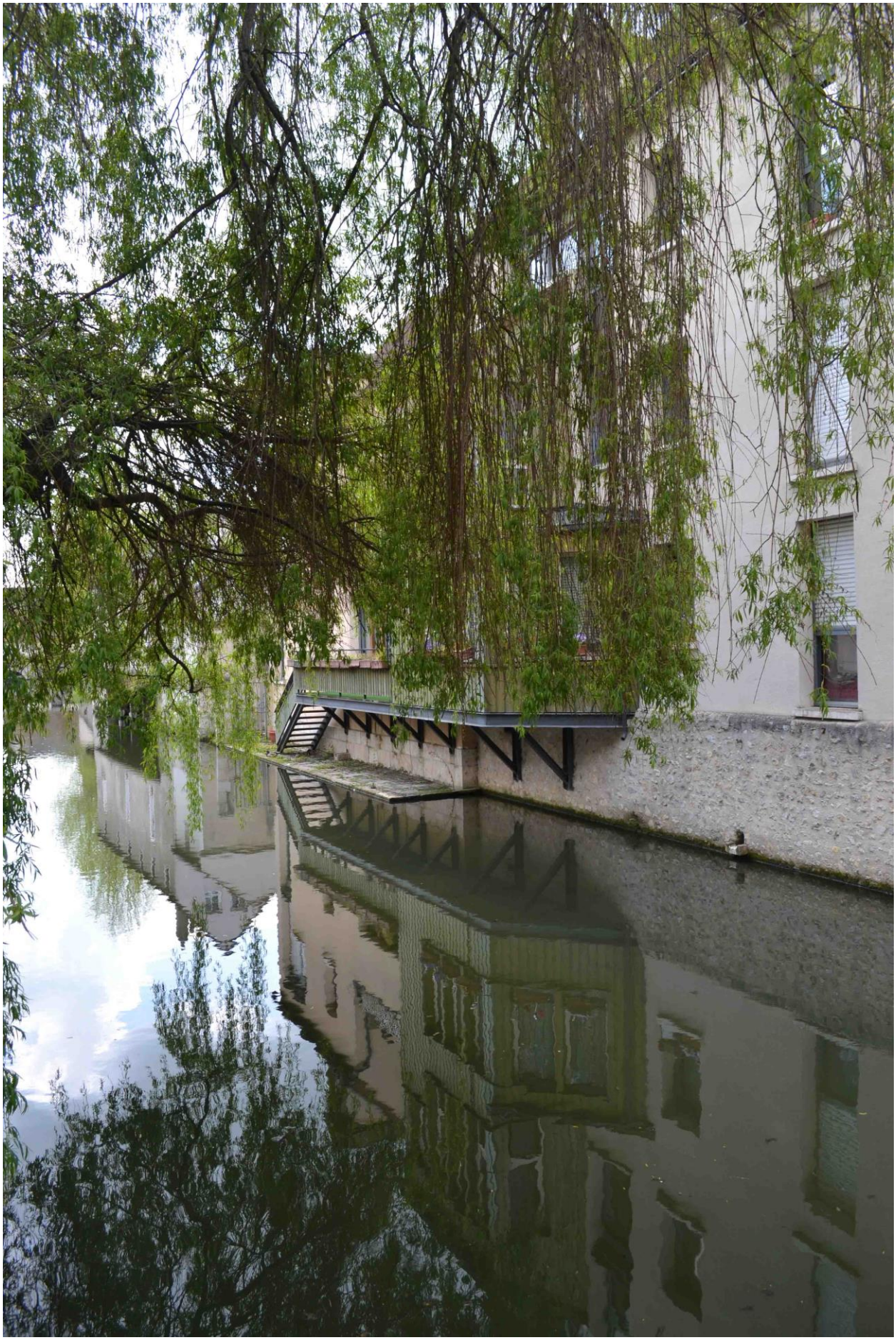
А вот старейший дом, ровесник Собора, возведенный в XII (!) в., вероятно, каноником церкви святого Андрея (третий слева):

До 1920 г. его романский декор был скрыт штукатуркой:77

Вот этот дом попроще, по-видимому, ненамного его моложе:

Особую прелесть придает городу речка Эр, делящая его на два половины. По парапету разгуливают утки, которые охотно всем позируют:





Вдоль реки расположены старинные мельницы, прачечные, мастерские (в том числе самая старая витражная мастерская в городе). Все это заботливо отреставрировано и полной мере передает средневековую атмосферу.

На этой мельнице открыт прелестный ресторан с видом на реку, испугавший нас своими ценами (мы решили, что найдем в городе что-нибудь попроще, и жестоко ошиблись):

Но самое поразительное, что в этих домах по-прежнему живут люди и даже, как в старину, сушат перины:

То, что город совершенно ориентирован на туризм, с блеском продемонстрировали нам два бездельника со спиннингом на мосту через Эр. На наших глазах один из них вытянул довольно приличных размеров рыбу, перед всеми ею похвастался и, надо отдать должное, бросил обратно в реку. Это он просто удаль, надо думать, нам демонстрировал:

Похоже, все в городе работает на нас или таких, как мы… Мы еще оживленно обсуждали, как здорово было бы жить в таком городе, который одним своим видом доставляет радость. Наибольшее впечатление г**о**род произвел на Женьку, который раньше в таких не бывал. Он с восторгом снимал все открывающиеся панорамы и всерьез задумался, хочет ли он жить в таком городе. *Все и мы, и он быстро уперлись в мысль, что в сырые дождливые зимние дни здесь, наверное, от тоски жители воют хором… Нет в жизни совершенства! Вот и в режиме работы предприятий общественного питания обнаружился пренеприятный прокол…*

Между тем мы здорово проголодались. Но, привыкшие в Италии садиться за столик там, где стоим, обнаружили, что здесь сесть негде. Вот этот, такой заманчивый старинный трактир был закрыт:

crêperie des 3 lys
Crêperie

В ресторанчике возле «башни королевы Берты», где стоят уютные столики под зонтиком, нам сказали, что до 7 вечера он предлагает только спиртное и сладкое. Сжалившись над нами, хозяин предложил пожарить яичницу. Но мы гордо отказались – и пожалели, потому что это правило распространялось на все рестораны и кафе города, которые вообще работали днем. Поскольку круассаны уже в горло не лезли, мы решили дотерпеть до Парижа и гуляли по городу, преодолевая голодные спазмы, но будучи не в силах расстаться с его застывшей старинной красотой:

RUE
SAINT-EMAN

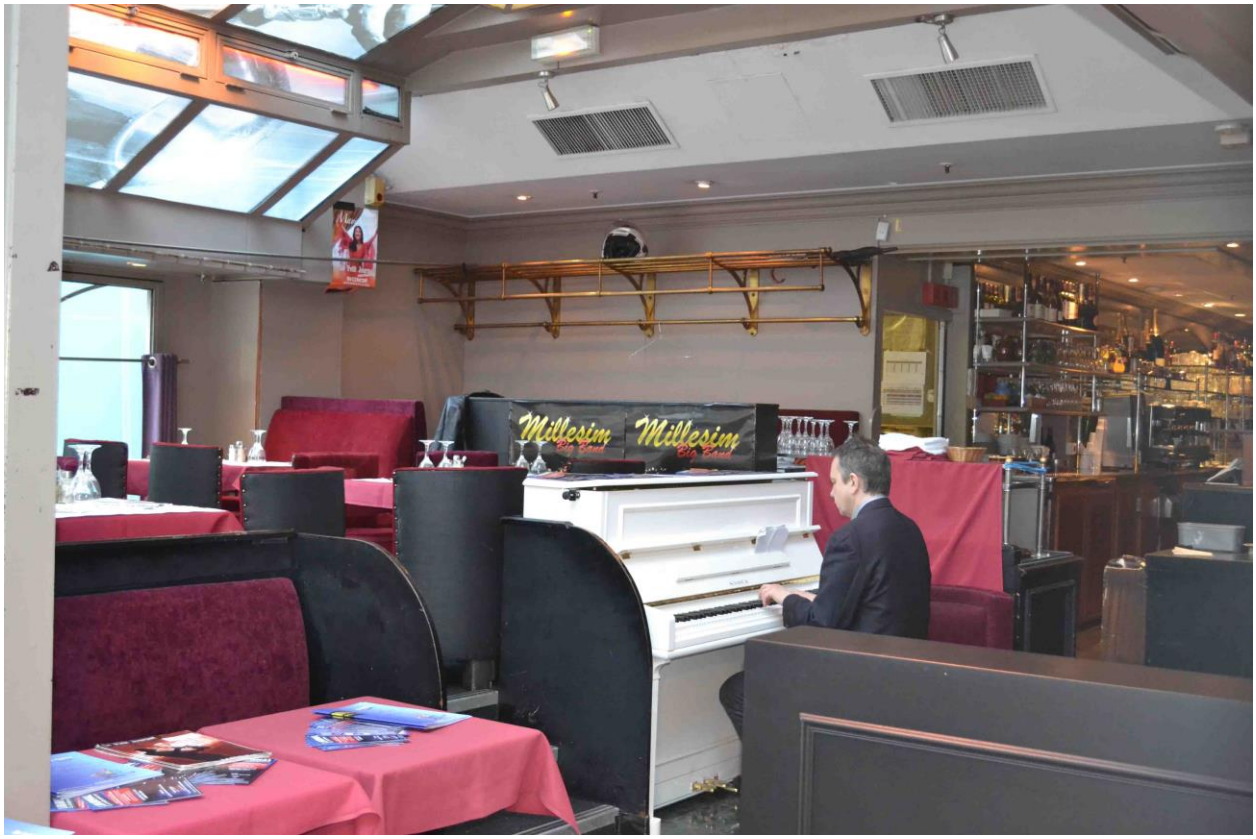
COVENT
GARDEN
COVENT
GARDEN

Когда мы уже нагулялись вволю и собрались уезжать, вдруг осознали, что покидаем город без знаменитого шартреза. Вернулись к Собору в примеченную раньше винную лавочку, купили бутылку, а Женька избрал бутылки другого вида и набил ими целый рюкзак - и себе, и для подарков. В Москве мы свою бутылку кому-то подарили, зная, что все равно испробуем вино из Женькиных запасов, но – не пришлось: Женькины бутылки оказались… сиропом! *Вот они пробелы современного образования! Любой гимназист, которых учили всем основным европейским языкам сразу, разобрался бы!*

А дом свиньи-пряхи, построенный в начале XVI в. и украшенный деревянной скульптурой, мы так и не нашли. Зато на выходе из города встретили вот такую современную композицию, очень трогательную:

С вокзала Монпарнас можно было без пересадок доехать до отеля, но решено было провести последний вечер не в захолустной забегаловке, а в уютном ресторане в самом Париже. Выйдя из вокзала, начали озираться по сторонам. Ничего хорошего не увидели: вокруг огромные стеклянные коробки зданий, лишенные какой бы то ни было индивидуальности, как и парижского духа. Т.е. пейзаж совсем не привлекал. Но есть очень хотелось. Тут мы углядели напротив кафе с террасой, судя по оформлению вывески, имеющее отношение к джазу, хотя название – Le Petit Journal Montparnasse - об это не сообщало. И устремились туда: Женька – с огромным воодушевлением, я – с некоторым опасением возможных цен. Цены, на удивление, оказались вполне доступными, и мы долго разбирались с меню, пытаясь догадаться, какие буковки соответствуют мясным

блюдам. Наконец, к нам подошел официант, и мы решились ткнуть пальцем наугад в разные строчки, надеясь, что хоть какая-то сработает. Но официант нам что-то лопотал, тыкая в часы. Тут я догадалась: здесь тоже не подают обед раньше 7 вечера! Когда я произнесла это по-английски, он радостно закивал – понял, что я поняла правильно! Было только 6, но Женька не хотел уходить, ждал джаза, да и мы разленились, тем более, что поесть все равно было негде. Так что заказали кампари и пили, пока не наступило время обеда. Заказ нам принесли уже в 5 минут восьмого, он оказался на удивление удачным – все блюда выше всяких похвал. И к тому же заиграл пианист – строгий дядя в костюме. Не слишком громие звуки лились так легко и свободно, что невозможно было оторваться. Мы слушали, как зачарованные.



Женька впился в пианиста своим объективом и, по-моему, забыл о еде. Пианист Оливье Лансело и кафешный персонал смотрели на это косо, но стерпели…

Впервые в жизни слышал, как человек импровизирует непрерывно в течение двух часов, не повторяясь, в высоком темпе. Мы провели незабываемое время в этот наш последний вечер в Париже. Чтобы в этом убедиться, зайдите на Женькину страничку и послушайте сами http://www.youtube.com/watch?v=46Bqu8n64ao (эта музыка сопровождает большую часть фильма, а последние четыре минуты – собственно съемка в кафе). Вот такой получился завершающий парижский аккорд.

Конец.